

**НОВОЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВА
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ЖИТИЯХ
ПРОТОПОПА АВВАКУМА
И СОЛОВЕЦКОГО ИНОКА ЕПИФАНИЯ**

Средневековое представление о пространстве имело специфические и этикетные черты и было прямо связано с религиозно-символическим типом мышления. Для древнерусского человека мир не был единым, он делился на «горный» и «дольный». Первый, надприродный, мир был беспредельным и вечным, не познаваемым человеческим разумом. Второй мир является природным, земным, и поэтому имел несовершенный характер: он был преходящим во времени и ограниченным в пространстве. Эта пространственная схема была единой и всеохватывающей, она сокращала земные расстояния, так как взгляд на происходящее в «дольнем» мире был из «горного» пространства. Надмирное осознание природных явлений приводило в средние века к тому, что в литературе существовал огромный охват пространства при сильном уменьшении отдельных его объектов, когда индивидуальные приметы местности становятся незначительными. Если объектом изображения в произведении были конкретные природные явления (гроза, засуха, наводнение, выпадение росы, солнечные затмения и т. п.), то они выступали не в реально-географической или художественно-эстетической функции, но в своей символической. Силы природного мира были проявлением божественной воли, служили посредником между «горным» и «дольным» пространствами. В явлениях природы средневековый человек видел знак «на добро» (столп света над церковью в момент кончины святого) или «на зло», на предупреждение о грядущих бедах (так, солнечное затмение предвещало поражение в бою). Средневековая литература знала только одну точку зрения на пространство — с высоты «горного» мира, сакральной высоты над земным и вещным, поэтому и восприятие средневековым книжником, и изображение пространства в литературных памятниках (как и в иконописи, и других видах живописи) не являлось индивидуально-авторским.

В «Житии» протопопа Аввакума эта средневековая пространственная схема нарушается: его автобиографический герой живет

и действует в индивидуализированном пространстве. Одна сфера данного пространства — ограниченный мир темницы, где страдает Аввакум, оказавшийся в одиночестве в борьбе за веру, окруженный тесным кольцом никониан. Другая сфера пространства в жизнеописании Аввакума — огромный мир, где герой ощущает себя странником, причем перемещения в этом мире больших расстояний Аввакум, в отличие, например, от Владимира Мономаха, создавшего краткий автобиографический рассказ в своем «Поучении» (начало XII в.), не только перечисляет, но описывает, изображает как художественно осознаваемые эпизоды. Проследим, как функционируют в «Житии» оба типа пространственных построений.

Малое замкнутое пространство тюрьмы, будь то келья московского монастыря или земляная тюрьма Пустозерска, Аввакумом воспринимается как пространство несвободное, враждебное человеку. См., например, описание его заключения в Андроньевском монастыре: «Егда же розсветало, в день неделный, посадили меня на телегу, ростеня руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря. И тут на чеши кинули в темную полатку; ушла вся в землю. И сидел три дни, ни ел, ни пил; во тьме сидя, кланялся на чеши, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно».¹

Заточение святого в темнице — традиционный мотив агиографической литературы, однако в этом описании Аввакума он обретает новые черты. Во-первых, высокая тема мученичества снижается за счет присутствия в тексте «низких» деталей: святого окружают «токмо мыши, и тараканы, и сверчки», молитву он обращает то ли на восток, то ли на запад, возможно, нарушая церковный канон.

Следует отметить, что понятия «востока» и «запада» для средневекового человека помимо своего конкретного значения имели символический смысл. Как пишет Д. С. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы», на восток были обращены алтари церквей, в восточном, «красном», углу дома располагались иконы, даже мертвых хоронили лицом к востоку. «История располагалась также по странам света: впереди, на востоке, были начало мира и рай, сзади, на западе, — конец мира, его будущее, и Страшный суд».²

Отметим в анализируемом отрывке из «Жития» Аввакума и элемент психологического переживания пространства,³ субъективный по своей основе: в тюремной темноте и неопределенности ориентировки героя по странам света максимально обостряется его слух, так что звуки, издаваемые сверчками, воспринимаются

¹ Житие протопopa Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой / Изд. подгот. Н. В. Поньрко. СПб., 1994. С. 14 (далее ссылки на это издание в тексте).

² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1970. С. 343.

³ См.: Демкова Н. С. Житие протопopa Аввакума. Л., 1974. С. 148.

как крик. Через бытовые и психологические реалии автор «Жития» индивидуализирует художественное пространство.

Замкнутое малое пространство в «Житии» Аввакума — это, как мы отметили, пространство тюремное, несвободное. Положение в нем тягостно для протопопа, он пытается преодолеть границы враждебного для него пространства, и не только с помощью сакральных сил, внешних по отношению к герою, но и с помощью собственной силы духа. О непобедимости Аввакума, попавшего в чуждое для него пространство тюрьмы Братского острога, свидетельствует то, как герой воспринимает себя в этом новом для него мире: «Таже привезли в Брацкой острог и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немношко. Сидел до Филипова посту в студеной башне. Там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-то нельзя было. <...> Иногда одново хлебца дадут, а иногда ветчинки одное, не вареной, иногда масла коровья без хлеба же. Я-таки, что собака, так и ем» (С. 22).

Здесь Аввакум изображает себя, страдающего от ран, холода и голода, как бы со стороны. Писатель в сцене акцентирует мотив наготы, причем понимает наготу не только в прямом смысле этого слова — как отсутствие платья, но и в переносном — как особое состояние души, открытой, исповедующейся перед Богом, людьми и собственной совестью. Сравнение себя с собачкой и сужение круга общения в тюрьме до существ из животного мира (узника каждый день навещает собака, вокруг него много мышей) свидетельствуют о том, что Аввакум победил в себе грех гордыни. Самоуничижение не является для автора способом продемонстрировать свою избранность, святость. В тяжелые минуты жизни он способен на самоиронию. Ирония — часть его жизненной позиции, отношения к себе и окружающему миру. Трагический эпизод «Жития» Аввакума обретает черты комического. Страшные мучения изображаются как мелкое бытовое явление, ироническое восприятие себя («собачка») и врагов («дурачки») снижает драматизм ситуации, убеждает в победе духовного начала над плотским. «Далеко опережая свое время, <...> опережая нормативы грядущих классицизма и романтизма, — писал А. Н. Робинсон, — в „Житии“ и других сочинениях Аввакума начинает звучать „смех сквозь слезы“, как то свободное отношение автора к изображаемому, которое стало характерным для русской классической литературы».⁴

Изображение замкнутого пространства — характерная примета и «Жития» соловецкого инока Епифания, сподвижника и духовного отца Аввакума. Отшельник-демоноборец, став мучеником за веру, Епифаний сменяет один замкнутый мир на другой, келью на темницу; вне этого замкнутого мира он не мыслит своего существования. Условия жизни, внешние признаки простран-

⁴ Робинсон А. Н. Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 160.

ства, в котором действует автобиографический герой «Жития» Епифания, поразительно напоминают друг друга: Епифаний в своих описаниях подчеркивает тесноту и бедность своих жилищ. Однако замкнутое пространство монашеской кельи воспринимается Епифанием как свободное и прекрасное, так как оно связано с духовным богатством и безграничностью веры человека. Он признает, что «в пустыне жити без рукоделия невозможно, понеже находит уныние, и печаль, и тоска велика. Добро в пустыне — псалмы, молитва, рукоделие и чтение. Так о Христе Иусе зело красно и весело жити. О, пустыня моя прекрасная!» (С. 80).

Совсем иначе воспринимает Епифаний пространство тюрьмы: «А я ныне в темнице, яко во гробе, сижу, жив землею погребен; всякую нужу терплю темничную, дым горкой глотаю, глаза дымом, и копотию, и всякою грязью выело. Одна темница — то и церковь, то и трапеза, то и заход. А клопы жива хотят съест и червьям не хотят оставить» (С. 99). Если в келье автор чувствовал себя внутренне свободным, ибо сам выбрал пространство монашеской кельи, уйдя из мира, то в темнице он ощущает себя скованным телесно и духовно, в его внутренний мир вторгается мир внешний — религиозно-политическая борьба эпохи. Это создает новые трудности для Епифания, приводит его душу в состояние смятения: «А не ведаю <...> есть ли на ползу и спасение бедной и грешной души моей и Христу Богу приятна моя бедная страдания, то бы с радостью терпел вся сия о Христе Иусе» (С. 99).

Здесь следует отметить неповторимость индивидуального новаторства в изображении пространства в «Житии» инока Епифания. Е. Г. Эткинд пишет в своей работе: «Закон экстериоризации внутренней жизни вообще приближает повесть XVII века к поэтическому роду, способствуя насыщению текста метафорами и усиливая его ритуальность. Для повести XVII века характерен, следовательно, принцип *поэтического* построения».⁵ Этот закон экстериоризации внутренней жизни наблюдается и в изображении пространства «Жития» инока Епифания. Как человек, мышление которого формировалось в условиях канонических представлений средневековья, он считал мир творением Бога неизменным и гармоничным, но новая, возникшая в XVII в. религиозно-политическая ситуация оказала влияние на его представление о мире, сломала этот гармоничный мир: он увидел его конец. В этой ситуации Епифаний выбирает путь самоуглубления, он ограничивает пространство жизни собственным внутренним миром, делает его предельно замкнутым, насыщая его собственными психологическими переживаниями.

Инок Епифаний стремится запечатлеть внутренний мир автобиографического героя во всей сложности его эмоциональной сферы. При этом для него характерно внимание к экспрессивным формам проявления чувств, к быстрой смене эмоциональных со-

⁵ Эткинд Е. Г. Внутренний человек и внешняя речь. М., 1999. С. 28.

стояний героя. Однако, сравнивая «Житие» Аввакума с «Житием» Епифания, А. Н. Робинсон справедливо отмечал, что «Епифаний углубил и развил описание своих переживаний, но не вышел за пределы однолинейности и эгоцентризма»,⁶ в отличие от Аввакума.

В этой же работе исследователь обращал внимание на то, что одним из примеров выражения психологических колебаний в «Житиях» Аввакума и Епифания является внутренний монолог героя. Рассмотрим такой прием в «Житии» Епифания. После публичной казни, когда старцу и другим пустозерским узникам «отсекоша руки и отрезаша языки», он передает свои ощущения и чувства через эмоционально напряженный внутренний монолог: «О, горе тебе, окаянне Епифане! Христос, Сын Божий, тебя, вопиюща и молящяся, не слушает, ни Богородица, ни святии его вси. А ты, святой отец наш Илья, архимарит Соловецкой, был ты у меня в пустыне Виданьской, явился мне и велел мне книги писать на обличение царю и на обращение его ко истинней вере Христове, святей, старой. И аз книги писал ко спасению цареву и всего мира. И снес их до царю. А ныне <...> в сицевой беде, и в скорби, и в болезни лютой нимало не поможеши. Ох, ох! Горе мне, бедному! Один погибаю! Не помогает ми никто ныне, ни Христос, ни Богородица, ни святии его вси!» (С. 93—94).

Епифаний здесь чувствует себя совсем одиноким человеком, который оказался нечаянно втянутым в эту борьбу. Даже воспринимая свою роль в процессе борьбы с никонианами как исполнение воли Божьей, он не включает в свои описания общественное пространство. Таким образом, герой остается в замкнутом пространстве даже при воспоминании о своей общественной деятельности.

Однако, оставаясь в пределах замкнутого пространства, свойственного житиям святых, Епифаний, как и Аввакум, вводит реальные детали земного мира. Жестоко страдая от ран, после казни в Пустозерске, он 5 дней не мог остановить кровотечение («И много крови вышло, и в темнице стало мокро. И стражи сена на кровь наслали». С. 93) и описывает свое поведение, не похожее на поведение агиографического героя: в ожидании смерти Епифаний обвиняет своих небесных и земных покровителей в том, что они равнодушны к его судьбе. Его герой в этом эпизоде ведет себя как обычный смертный человек, но не как святой, который, согласно агиографическому канону, должен был с радостью принимать страдания и ожидание мученического конца.

В отличие от сочинения Епифания, в «Житии» Аввакума кроме пространства, которое замкнуто и где мир определяется главным образом через чувственное восприятие человека, существует пространство огромное, необъятное и противоречивое, независимое от героя, где он выступает уже не как субъект, а как

⁶ Робинсон А. Н. О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания // Славянская филология. М., 1958. Сб. 2. С. 265.

объект. В «Житии» Аввакума, по словам А. С. Демина, присутствуют две позиции в изображении пространства. Ученый отмечает наличие в произведении протопopa некоего божественного конуса, «расширяющегося куда-то с небес на землю», и земного — конуса реальной перспективы, идущего от взорающего человека.⁷

Жизнь Аввакума — постоянное странствование, причем география этого странствования предельно широка. Рожденный в нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове, он жил в соседнем селе Лопатищи, затем был поставлен в протопопы Юрьевца-Повольского, жил в Москве, где началась его борьба с никонианами, и отсюда был сослан в Сибирь с женою и детьми. В «Житии» Аввакума постоянно расширяется мир, который суждено было познать его герою: в 1655 г. по указу Никона Аввакума высылают из Тобольска в Сибирь. Второй круг «хождения по мукам» для Аввакума снова начинается в Москве, откуда вождь русского старообрядчества отправился в свою последнюю — пустозерскую ссылку — через Вологду, Великий Устюг, Холмогоры, Мезень. Следует отметить, что до «Жития» Аввакума в житийной литературе не было произведений с подобным охватом русской действительности, такого пристального внимания агиографа к реальной топографии страны.

Перемещения в пространстве мыслятся Аввакумом не только как реальное хождение,⁸ результат которого измеряется в днях и верстах пройденного пути, но и как восхождение души героя к святости, к мученическому венцу. Если в памятниках древнерусской литературы проблема преодоления пространства не привлекала внимания автора (герои эпических произведений легко преодолевают пространство,⁹ и святые и праведники в житийной литературе часто перемещаются в пространстве с помощью небесной силы), то протопоп Аввакум чувствует «сопротивление» пространства, находится в «борьбе» с ним. Он расценивает свой жизненный путь как постоянное подвижничество и подвиг: «И колико дорогою было нужды, тово всево говорить много, разве малое помянуть» (С. 16); «Два лета бродил в воде, а зимами волочился за волоки, чрез хрепты. На том же Хильке в третье тонул: барку от берегу оторвало» (С. 23); «В Енисейске зимовал и, пльвише лето, в Тобольске зимовал. Грех ради наших война в то время в Сибири была: на Оби-реке предо мною наших человек з дватцет иноземцы побили. А и я у них был в руках. Подержав у берега, да и отпустили» (С. 33) и др.

«Земное» пространство, которое изображает Аввакум, — это пространство Руси XVII в., расколотое на два враждующих ми-

⁷ Демин А. С. Наблюдения над пейзажем в Житии протопopa Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1966. Т. 22. С. 402.

⁸ Исследователи отмечают в «Житии» Аввакума черты древнерусского жанра «хождений», см.: Ilek B. Život protopora Avvakuma. Studie o stilu. Praha, 1967.

⁹ Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 51.

ра — старообрядческий и никонианский. Мир никониан мыслится Аввакумом как греховное пространство, населенное вероотступниками, чьи души «восхищены дьяволом». В челобитной царю Алексею Михайловичу, о которой Аввакум упоминает в «Житии», он просит: «...бодрствуй, государь, а не дремли, понеже супостат дьявол хочет царство твое проглотить» (С. 35). Старообрядческий мир — мир истинного православия, по убеждению Аввакума, изображается как пространство, населенное мучениками за веру. «По сем привели нас к плахе, — свидетельствует Аввакум, — и прочитали наказ: „Изволил-де государь и бояря приговорили — тебя, Аввакума, вместо смертные казни учинить струб в землю и, зделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим товарищам резать без милости языки и сечь руки“» (С. 47—48).

Осознавая сложность и противоречивость земного бытия, Аввакум признает возможность перехода человека из одного мира в другой. Между миром старообрядческим (праведным пространством) и никонианским (греховным пространством) нет четких и навсегда установленных границ.

Архиепископ Симеон «в Сибири при мне добр был, — пишет Аввакум, — а опосле проглотил ево дьявол, отступил же от веры» (С. 17). Бывают случаи, когда протопоп Аввакум сомневается, к какому миру — мучителей или мучеников — принадлежит человек. Даже в отношении самого ревностного своего мучителя — воеводы Пашкова — Аввакум допускает возможность проявления глубоких человеческих чувств, например любви к сыну: «Пашков же, оставя застенок, к сыну своему с кручины яко пьяной пришел <...> Десеть лет он меня мучил или я ево, — не знаю, Бог розберет» (С. 31).

Таким образом, субъективно-авторская точка зрения является главной при изображении пространства в «Житиях» протопопа Аввакума и соловецкого инока Епифания. Однако при этом следует отметить существенное различие между ними. В «Житии» Аввакума автор сумел показать текучесть жизни, сложную взаимосвязь «горнего» и «дольнего» пространств, природного и человеческого миров, старообрядческой и никонианской Руси в изображении пространства, но Епифаний в своем «Житии» показывает только предельно замкнутое, ограниченное пространство, однако оно так богато насыщено переживаниями и эмоциями автобиографического героя, что изображение этого «внутреннего пространства» делает «Житие» инока Епифания новаторским произведением для литературы XVII в.